

Д.С.Лихачев
НОВГОРОД

В Новгород мы поехали с Зиной отдыхать в мой отпуск по совету В.Л.Комаровича. Это было накануне рождения наших дочерей. Лето 1937 г. Мы наняли комнату у баронессы Тизенгаузен на самой окраине Новгорода. Из окон открывался чудный вид на Красное поле и Нередицу с колокольней на самом горизонте. Именно эту комнату нанимал перед нами Комарович.

Я захватил с собой подзорную трубу и в те часы, когда мы не гуляли, — рано утром или перед заходом

солнца, любовался Нередицей. Помню, были видны на белых стенах тени стрижей, мелькавшие во всех направлениях под вечер. Вечером, если не очень уставали от дневных прогулок, мы любили гулять по Красному полю. Было множество гусей, кормившихся на подножном корму в поле, а под вечер возвращавшихся домой, становившихся перед воротами домов на Славне и гоготанием требовавших, чтобы их впустили хозяева. Впрочем, под вечер мы иногда ходили и в Кремль,

садились у памятника Тысячелетия России и любовались на золотой купол Софии, вызолоченный толстым слоем и отличавшийся зеркальной гладкостью, в которой отражались бегущие по небу облака. На этот купол можно было без конца смотреть, как смотришь на текущую волну. Днем мы совершали длинные прогулки — каждый раз к какому-нибудь новому памятнику. Ходили далеко — и в деревню Волоотово с его знаменитой церковью XIV века, и в Хутын, и в Кириллов монастырь, где на Новокирилловском кладбище похоронена сестра Блока и ее мать — вторая жена отца Блока. Я один ходил на Липну, на Сковородку, где тогда расчищал фрески Олсуфьев с женой. Бывали мы и в Юрьевом монастыре, и на Перыни, в Аркажах. Не были мы только в Коломне, Вязищах — в тех монастырях, где находились тюрьмы ОГПУ с их жертвами.

Если учесть, что Зина тогда была «на сносях», прогулки наши были в своем роде «героическими», если не считать заходов в мороженицу недалеко от церкви Параскевы Пятницы на Ярославовом горо-

дище. Такого мороженого мы уже никогда больше не ели... Оно было превосходно.

Возвращались в Ленинград мы пароходом мимо аракчеевских казарм и чудных лесистых местностей (когда я ездил потом с Сенкевичем на катере по этим местам, леса уже нигде не было, деревни разваливались, от церквей кое-где сохранились руины). Гранин, который тогда принимал участие в съемках для «Клуба путешественников», со вздохом сказал: «Как можно жить в таких деревнях, такая тоска!» Но в 1937 году еще этой «тоски» не было. Мы с Зиной доехали (доплыли) до Чудова и ждали там всю ночь утреннего поезда, чтобы вернуться в Ленинград. Четвертого августа родились дочери.

Перед войной я еще два раза был в Новгороде с Федей Розенбергом. Из этих двух поездок во второй присоединился к нам Михаил Иванович Стеблин-Каменский. У Феде в Новгороде был знакомый бухгалтер, владевший моторной лодкой. На ней мы ездили на Липну, в Перынь, в Юрьев монастырь. Сохранились у меня две фотографии от последней поездки: на одной

мы завтракаем перед Юрьевым монастырем на берегу, на другой мы пьем молоко в деревне Волоотово.

Итак, к началу войны я знал Новгород довольно хорошо. Нравился он мне чрезвычайно. Это повлияло и на выбор темы моей кандидатской диссертации: «Новгородские летописные своды XII в.», а в 1945 г. вышла моя книга «Новгород Великий. Очерки истории культуры Новгорода XI—XVII вв.», написанная в основном во время блокады Ленинграда.

Из случайно попавших мне весной 1942 г. номеров «Ленинградской правды» (систематически их получать не было никакой возможности; газета издавалась, мне кажется, только для работников Обкома, была маленького формата) я догадался, что линия фронта проходит по ожерелью церквей за Красным полем. Наши артиллерийские позиции располагались у Нередицы, Ковалева, Волотова и подвергались, естественно, немецким обстрелам. Я был чрезвычайно огорчен, что от этих бесценных церквей может ничего не остаться.

Сейчас в своих воспоминаниях о Новгороде я дошел до главного... В конце войны я жил с семьей в

Казани и работал в Институте русской литературы, как и раньше. Началась «реэвакуация» института в Ленинград. Меня в списки возвращаемых не включали (а может быть, вычеркивали) как неблагонадежного. Милый Виктор Андроникович Мануйлов, командовавший тогда институтом в Ленинграде, вызвал меня в командировку. Немцы еще стояли под Ленинградом. Наш поезд проходил ночью где-то у станции с мрачным названием — Дно или Мга. Я прожил в Ленинграде довольно долго: у меня украли паспорт, деньги, военный билет, карточки — решительно все документы. Надо было все возобновлять, проходить медицинские комиссии и пр. Не помню — в этот приезд или в следующий — в январе-феврале был освобожден Новгород. В мае дорога к Новгороду была восстановлена, и Виктор Андроникович предложил мне поехать в Новгород — посмотреть, что там сохранилось. Поезд шел медленно, неуверенно, и я видел раздутые непохороненные немецкие трупы, лежавшие в неразминированных болотах под Ленинградом. В Чудове была пересадка. Я пошел посмотреть — со-

хранился ли дом Некрасова. Сохранился! Это было чудо. Сохранился и какой-то кирпичный дом советской постройки, в котором при немцах находился госпиталь. У самых стен госпиталя немцами было устроено кладбище. На каждой могиле — какой-то пластмассовый венок, а на некоторых могилах нарукавная красная повязка с белым кругом, на котором была изображена черная свастика. На некоторых могилах было накакано...

В Новгород я приехал утром. Поезд остановился в поле. Поле это и был Новгород. Потом я разглядел Софию и некоторые церкви. Рядом с нами на соседних путях стояли поезда, из которых выгружали колхозные семьи. Их тут же разбирали к себе представители колхозов, соблазняя разными благами: наличием отдельных изб, существованием магазина и т. п. При мне прибыл состав с другими семьями. Это были семьи бывших новгородцев. Боже, какой поднялся плач, когда люди увидели, что долго мечтаемый ими Новгород не существует. Это был плач, который надо было записать фольклористу. «Новгород ты наш рас-

прекрасный, что же с тобой сделали? Что же от тебя осталось...» и т. п. Плакал весь поезд красных товарных вагонов, плакали дети, женщины ничком бросались на землю...

Я взял свой портфель и направился искать пристанища. Земляной вал на Софийской стороне был весь изрыт траншеями и немецкими блиндажами. Люди жили в них. Кое-где курился дымок, показывались женщины с ведрами, шедшие за водой на Волхов. Были протянуты веревки, на которых сушилось белье. Улиц не было заметно. Они были булыжные и поросли травой, довольно высокой для мая месяца. Когда потом я оказался на Торговой стороне — там просто приходилось ногой нащупывать — где мостовая, а где мягкая земля. Никаких признаков бывшей улицы не было, и можно было угодить в какой-нибудь люк, колодезную дыру. Я шел как слепой. Но в первый день мне повезло: я нашел «Дом крестьянина». Он помещался в здании, кажется, дворянского собрания (если смотреть на Кремль со стороны главного входа, то здание это находилось справа). Полдома начала

XIX века отсутствовало, на остальной половине сохранилась крыша и были поставлены топчаны для командировочных почти вплотную друг к другу. Я спал там не раздеваясь.

Что же я увидел в Новгороде? Кремль сравнительно со всем остальным был почти цел. Памятник Тысячелетия России был разобран, отдельные фигуры были помечены белыми нóмерами: ясно, что его хотели увезти и где-то собрать. Куполов на барабанах Софии не было. Походив вокруг храма по траве, я нашел золоченый шар из-под креста одного из небольших куполов. Я подобрал его. Ясно была видна сравнительно толстая, основательная позолота. За Софией на одном из домов была надпись: «Эль вива Саламанка» — здесь стояли испанцы. Видимо, испанская армия имела территориальные подразделения. Евфимиевская колокольня была без ее деревянного завершения, так к ней шедшего. Но музей уже начинал «работать»: прежний директор музея Тамара Константинова подбирала в развалинах новгородских домов для своего кабинета мебель красного дерева. Я отдал

ей шар и пожалел: ее это не интересовало. Как я через несколько месяцев, приехав в Новгород второй раз, выяснил, ее не интересовал не только шар из-под креста Софии, но и пропавший Китоврас. Дело в том, что пионерам был отдан приказ собирать металлолом*, и они, дружно навалившись, отломали в Сигтунских вратах Китовраса. Через некоторое время инженер в Ленинграде подобрал в металлоломе Китовраса и прислал в музей просьбу запросить этого Китовраса официальной бумагой. Без нее он не мог его спасти, так как весил он изрядно. Но бумага из музея так и не пошла. Музей не хотел ее писать, так как это бы означало, что он отвечает за храм Софии, а брать на себя Софию Константиновой не хотелось. Она требовала, чтобы бумагу отослало Архитектурное управление. Тем тоже не хотелось признавать Софию своей. Китоврас так и пропал, а может быть, находится в

* По причине сбора металлолома погибло огромное количество художественного чугунного литья в аракчеевском Грузине. Об этом мне рассказывал новгородский реставратор Чернышев (его статья о паникадиле в Софии напечатана в Трудах ОДРЛ).

частной коллекции. Кончилось дело тем, что Китовраса скопировали с копии, находившейся в Москве в Историческом музее, и водрузили на место копию с копии. Но произошло это уже через несколько лет.

Я зашел в некоторые дома Кремля. Все было закидано пакетами из-под химических грелок, которыми обогревались немецкие солдаты, и еще какими-то пакетами — не то от вшей, не то от клопов.

На берегу Волхова валялись на боку колокола с Софийской звонницы, выгашенные из воды танком, впрочем, при выгаскивании самого большого колокола, звон которого так любили новгородские жители, уши у него были оборваны.

В Грановитой палате при немцах был офицерский клуб, и еще сохранялись какие-то немецкие надписи. Наши войска не обстреливали Кремль, но чувствовать себя в безопасности было, конечно, приятно: стены Грановитой палаты были достаточно толсты. Камнем от одной из церквей была вымощена на Софийской стороне улица: немцы разобрали ее на строительство не только дороги, но и для своих укреплений.

Я пошел в Юрьев монастырь. На Синичьей горе церковь была цела, но самые дорогие памятники (а кладбище на Сильнице считалось самым богатым) были увезены. Я их увидел в Юрьевом монастыре. Испанцы не довольствовались для своих убитых скромными могилами, как немцы, а воздвигали могилы из украденных камней. Кладбище было там, где находился считавшийся священным источник под дорогой сенью. В Юрьевом монастыре были сделаны конюшни: стояла эстонская кавалерийская часть. Раздувшийся труп лошади лежал поперек дороги. Мне пришлось через него перелезть. За Георгиевским собором было сооружено место для орудия. От него шли телефонные провода на лестничную клетку собора. На верхней площадке были остатки костров и стены были сильно закопчены. На стенах лестницы охочие до искусства испанцы рисовали голых баб: прямо по остаткам фресок XII века.

Но страшнее всего была церковь, выходящая углом к Волхову и имевшая синие купола с золотыми звездами. Она была главным оборонительным пунк-

том нацистов. Пол в ней был завален минами и патронами для пулеметов. Немцам удалось именно в этом месте отразить одно из наших наступлений, стоившее нам многих жертв. Тела тысяч советских солдат ушли под лед.

Ходил я и к любимому ожерелью из церквей по Красному полю. Всюду виднелись наши окопы: у Нередицы (пройти сюда было особенно опасно, так как местность здесь еще не была разминирована; шел я, выбирая каждое местечко — куда бы можно было ступить), в Ковалева на кладбище и на Липне, где был один из наших сильных опорных пунктов. Всюду храмы были оборудованы под наблюдательные вышки. Именно поэтому они и были так сильно разрушены артиллерией врага. Окопы вокруг Ковалева шли между могил, уходили в склепы, защищены могильными камнями. Один такой камень «матери Марии» я снял. Был ли в Ковалева женский монастырь?

Помню страшную рану в западной стороне церкви Спаса-на-Ильине от нашего снаряда. Дело в том, что наша артиллерия не обстреливала новгородские цер-

кви (был дан специальный приказ). Немцы пользовались этим и устраивали в верхних точках исторических памятников наблюдательные и корректировочные пункты. В церкви Спаса-на-Ильине наблюдательный пункт был особенно опасен для наших войск, наступавших с востока. Был выпущен по наблюдательному пункту один-единственный снаряд, но, увы, он повредил в месте попадания фрески Феофана Грека. Конечно, это не бомбардировка Милана американской авиацией, когда был разрушен монастырь Санта-Мария делье Грацие и «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи сохранилась только каким-то чудом. Но все же горько сознавать потерю. Церковь в Володове, которую я очень люблю, была разбита до высоты человеческого роста, там еще сохранялись ценнейшие куски фресок. Если бы приняться за Володово вовремя, то многое еще можно было бы спасти. Видеть гору обломков на месте, где была такая великолепная церковь, видеть разрушенный Сквородский монастырь с не запечатленными на фотографиях фресками, расчищенными Олсуфьевыми, видеть Ковалево в развалинах — все это

было ужасно. В Хутыни еще стояли каркасы куполов, но туда я добраться не смог.

Перед отъездом из Новгорода я пошел на то место, где стоял дом Тизенгаузен. Вспомнилась жизнь там, отпуск, чудная уха, которую нам варила Тизенгаузен (она была поповной, а ее муж барон до своего ареста работал мелким служащим Новгородского отделения госбанка).

Вспомнилось и то, как клала Тизенгаузен подушку на подоконник в своей спальне (а дом выходил прямо на тротуар), ложилась на эту подушку и разговаривала с проходящими — все были знакомы со всеми.

Тихая провинциальная жизнь, которую не могли нарушить даже начавшиеся в 1936 году повальные аресты, — где она?

Из книги «Воспоминания», СПб., 1995 г.